

ДАРЬЯ КОРЯКИНА

ЗДРАВСТВУЙ, САША

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ

18+

Дарья Корякина

Здравствуй, Саша:

альтернативная реальность

<https://litres.ru/74507119>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды ночью Саша понимает: в его жизни сохранено всё, кроме него самого. Он уходит не к другой женщине, а к себе. В небольшую квартиру, где нужно самому готовить ужин, выдерживать тишину и учиться хотеть без разрешения.

Позади остаются десятилетия правильности. Впереди ждут трудный развод, терапия, ответственность перед близкими и звонок женщине, которую он любил все эти годы. Но Ветрана не станет наградой за его перемены. Им предстоит узнать, выдержит ли любовь то, чего прежде была лишена: обычную совместную жизнь.

«Здравствуй, Саша: Альтернативная реальность» — самостоятельный роман и другая ветвь истории о несостоявшейся близости. Снег, письма, телесное узнавание, смех, старение и самолёты, которые ещё можно построить.

Психоаналитические вставки и итоговое заключение раскрывают, почему позднее взросление начинается не с великого прозрения, а с повседневного участия в собственной судьбе.

Книга о любви, которая не живёт вместо тебя. И о смелости наконец жить самому.

Содержание

Начало	5
От автора. Как устроено это издание	8
Свет на кухне	10
Квартира с одним окном	16
Человек, который не давал заданий	20
Поле	24
Подписи	28
Номер	32
Не награда	37
Красная vareжка	42
Чашка с трещиной	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дарья Корякина

Здравствуй, Саша:

альтернативная реальность

Начало

Роман является самостоятельной художественной альтернативой реальностью финала книги «Здравствуй, Саша: психоаналитическая нескладочная сказка». Если в первой книге мы разобрали наиболее распространенный и вероятный сценарий с наиболее частым исходом, включая алкогольные и прочие зависимости как способы вытеснения болезненной реальности, а также раннюю смерть, что показывает нам, что психическое влиятельно. И это влияние далеко не абстрактное - просто отложенное во времени и имеющее накопительный эффект.

Данная книга отражает также возможный путь, на который многим будет проще решиться, если хотя бы иметь представление/опору как и что будет. Ведь часто от глобальных перемен во взрослом возрасте нас отделяет пугающая неизвестность + иллюзия, что жизнь позади, а впереди только увядание и смерть.

Но это не так. Научные данные уверенно подтверждают

прямую корреляцию между благополучными, наполненными взаимной любовью отношениями, высоким качеством жизни и увеличением ее продолжительности. Крепкая социальная и эмоциональная связь защищает организм на биологическом уровне эффективнее, чем многие медицинские показатели.

Гарвардское исследование развития взрослых (Harvard Study of Adult Development) — самое продолжительное исследование в истории науки (длится более 85 лет). Его руководители (включая Роберта Уолдингера) доказали: качество наших отношений — главный предиктор долголетия, превосходящий по значимости уровень IQ, генетику и социальный статус. Уровень удовлетворенности отношениями в 50 лет точнее предсказывал физическое здоровье в 80 лет, чем уровень холестерина в крови.

Снижение риска смертности: мета-анализ, объединивший данные сотен тысяч человек, показывает, что у людей в счастливом браке или стабильном партнерстве риск преждевременной смерти снижается в среднем на 10–15%. Примечательно, что высокая удовлетворенность жизнью вашего партнера зеркально снижает ваш собственный риск смертности.

Однако, многие мужчины, с которыми я работала в ключе бракоразводных процессов в зрелом возрасте, очень боятся в старости отстать от одних, но, как показывает практика, этого, во-первых, не происходит, во-вторых, измученные

затяжными изнуряющими функциональными браками, они даже представления не имеют, насколько хорошо может быть "на свободе". Вспомним Омара Хайяма: "уж лучше быть одним". Не к вопросу, что предшествующая история - "кто попало", а к вопросу, что восстанавливающее одиночество даже в старости сильно лучше, чем истощающие отношения.

Персонажи, диалоги и события художественно вымышлены или переосмыслены; текст не является документальной биографией, диагнозом либо прогнозом жизни конкретного человека. Необыкновенное долголетие героев принадлежит условности этой альтернативной реальности.

Для совершеннолетних читателей. Книга затрагивает семейные конфликты, психологическое неблагополучие, развод, болезнь, утрату и смерть. Чтение может вызвать сильные переживания; при необходимости его можно прервать и обратиться за поддержкой. Сюжет не заменяет индивидуальной психологической или медицинской помощи.

В этой ветви истории людям отпущено немного больше времени, чем обычно. Иногда гораздо больше: достаточно, чтобы человек, решившийся изменить жизнь уже в зрелые годы, успел состариться не в наказание, а по-настоящему. Долголетие здесь принадлежит сказке; всё, что придётся делать с собственной жизнью, принадлежит самим героям.

От автора. Как устроено это издание

Роман сохранён как самостоятельная история. После ключевых событий помещены психоаналитические ракурсы: короткие чтения происходящего, которые можно читать вместе с главой или оставить до завершения повествования. Большое итоговое заключение посвящено позднему изменению жизненного уклада, самостоятельности, быту, любви, ответственности и утрате.

Комментарии предлагают гипотезы о художественных персонажах, а не устанавливают истину о реальных людях. Психоаналитический язык здесь соседствует с отдельно обозначенными исследовательскими подходами; он не является единственным возможным объяснением. Ссылки стоят рядом с теми положениями, которые опираются на внешние работы.

Книга не требует узнавать себя в герое, повторять его выбор или самостоятельно проходить через болезненные воспоминания. Развод, новая любовь и отдельное проживание не предлагаются как универсальное лечение. Можно остановить чтение, пропустить трудный фрагмент и обратиться за индивидуальной поддержкой; сильная боль сама по себе не доказывает пользу происходящего.

Право на уважение и помощь не зависит от того, смог ли человек изменить свою жизнь так же, как герой.

Свет на кухне

В три часа семнадцать минут Саша перестал ждать утра.

До этого он лежал на спине и смотрел, как по потолку проходит свет редкой машины. Полоса появлялась над шкафом, разворачивалась и медленно уходила к двери. В комнате снова становилось темно. Рядом спала жена; за стеной щёлкал остывающий радиатор.

За последние месяцы он научился узнавать ночи по этому щелчку. В одни хотелось воды, в другие хотелось исчезнуть из всех списков, в которых он числился: сотрудников, родителей, собственников, надёжных людей. Не умереть. Именно быть на несколько часов никому не положенным.

Он осторожно сел. На стуле лежали брюки, сложенные так, чтобы утром не тратить времени. Саша поднял их и впервые с неприятной ясностью подумал, что у него подготовлено всё, кроме ответа на вопрос, зачем вставать.

В кухне горела красная точка на чайнике. Он налил воду, достал чашку, потом поставил её обратно: чая не хотелось. За окном снег собирался на карнизе рыхлым светлым краем.

На холодильнике держался магнитом список покупок. Часть пунктов была зачёркнута его рукой. Творог, лампочка, фильтр. Он долго смотрел на своё маленькое аккуратное «готово» напротив последнего пункта.

Никто не запрещал ему жить иначе. От этого становилось

гораздо страшнее, чем от запрета.

Он прошёл в прихожую, достал дорожную сумку. Положил бельё, свитер, лекарства, зарядку. Над носками задержался: почему-то именно они придавали происходящему вид нелепого побега. Как будто можно было вынести в сумке человека, которого не находишь в себе.

Когда жена появилась в дверях, он сидел на корточках перед открытым шкафом.

«Куда ты собрался?»

На ней была старая серая кофта. Саша знал эту кофту лучше, чем большинство собственных мыслей. Подол растянулся, одна пуговица отличалась от остальных.

Он встал слишком быстро, ударился плечом о дверцу.

«Нам нужно поговорить».

«Сейчас?»

«Да. Прости».

Она перевела взгляд с него на сумку. Сон сошёл с её лица не сразу, словно вода, оставив под собой совершенно трезвое выражение.

«Ты к кому-то?»

«Нет».

«Только не ври мне ночью, Саша. Хотя бы ночью».

Он хотел сказать, что никому не врёт. Фраза уже поднялась к горлу, удобная, знакомая, совершенно непригодная.

«Я не еду к другой женщине. Я собирался уйти, пока ты спишь, и оставить записку. Сейчас понимаю, что собирался

сделать очередную трусость».

Жена прошла на кухню. Он пошёл следом, впервые не зная, можно ли сесть на свой обычный стул.

«Сядь. И говори без предисловий».

Он сел.

«Я не хочу продолжать наш брак таким, какой он есть. И не могу обещать, что сумею остаться твоим мужем. Я слишком долго делал вид, что могу».

Она посмотрела в сторону окна. Несколько секунд слышно было только холодильник.

«А я, значит, всё это время жила удачно?»

«Нет. Я не знаю, как ты жила. В том и дело, что я почти перестал спрашивать».

Она коротко усмехнулась. Потом встала, включила чайник и достала две чашки: движение рук ещё знало прежнее утро, хотя прежнего утра уже не будет.

Они проговорили до рассвета. Не красиво. С повторениями, глухими обвинениями, долгими паузами, в которых Саша считал квадраты на скатерти. Жена спрашивала о женщине, которую помнила, хотя он когда-то уверял, что помнить не о чем. Он отвечал, что любил её, что не видится с ней, что не имеет права сейчас использовать её как объяснение всего.

«Значит, все эти годы я была препятствием?»

«Нет».

«Ты так быстро ответил, что я тебе не верю».

Он посидел, опустив голову.

«Я сделал тебя объяснением того, почему не меняю свою жизнь. Даже там, где ты ничего не запрещала. За это отвечаю я».

Она отвернулась. Он потянулся было к её плечу и остановился.

«Не надо сейчас быть хорошим», сказала она. «Мне надо понять, что происходит».

Сумка осталась в прихожей. В гостиницу он уехал утром, после того как они договорились о первом, ещё неловком порядке: когда поговорят с дочерьми, какие платежи он берёт на себя, когда вернётся за вещами. Не получил благословения. Не услышал, что его понимают. Обоих этих льгот он так и не попросил.

У дверей жена сказала:

«Ключи пока оставь. Договоримся потом».

Он положил связку на тумбочку. Снял с неё только ключ от машины, и металлическое кольцо до крови оцарапало большой палец.

На улице уже светало. Снег шёл крупными бесшумными хлопьями. Саша стоял с сумкой у подъезда и не чувствовал ни свободы, ни облегчения.

Он чувствовал холод, царапину и огромную необходимость не солгать следующему человеку.

Психоаналитический ракурс. Уйти из роли, не исчезнув из отношений

Саша выходит не только из квартиры. В этой сцене можно увидеть попытку выйти из негласного соглашения: я обеспечиваю предсказуемость, а взамен мне не приходится спрашивать, чего я хочу. Такое соглашение не обязательно заключали двое. Он мог годами приписывать жене запрет, который давно поддерживал сам. Поэтому её вопрос о собственной жизни так важен: перед ним впервые не препятствие его свободе, а отдельный человек, которому тоже было трудно.

Ночная решимость ещё не равна зрелому решению. В сумке лежит и возможность бегства: исчезнуть прежде, чем встретишь чужую боль. Первый сдвиг происходит, когда он остаётся разговаривать, отказывается от оправдательной легенды и согласовывает ближайшие действия. Не «я больше ничего не должен», а «я не могу продолжать брак и должен честно обойтись с последствиями».

В психоаналитическом прочтении здесь сталкиваются карающий внутренний суд и совесть. Суд требует быть безупречным и считает всякое недовольство другого приговором. Совесть позволяет признать конкретный вред, не отменяя права на отдельную жизнь. Саше предстоит научиться отличать одно от другого. Пока он способен лишь

не сбежать из разговора.

Опорой в подобной ситуации может стать не торжественное обещание новой жизни, а ближайшая выполнимая договорённость. Где человек ночует, как сохраняются платежи, когда состоится следующий разговор, кто и что сообщает детям. Роман показывает один путь, а не рекомендацию разводиться: честное изменение возможно и внутри брака, если оба хотят и могут в нём участвовать. При угрозе насилия безопасность важнее очного объяснения.

Квартира с одним окном

Студию он нашёл через одиннадцать дней. До работы было двадцать минут пешком, если не срезать через пустырь, и семнадцать, если срезать, что он в первую неделю измерил трижды.

В квартире помещались кровать, стол, невысокий шкаф и кухня, на которой нельзя было одновременно открыть духовку и нижний ящик. Единственное окно смотрело на липу. Под снегом липа казалась нарисованной белым карандашом по серой бумаге.

Хозяйка, женщина с раскрасневшимися от холода руками, показала ему кран.

«Подтекает. Мастер обещал в четверг».

«Я посмотрю».

Она чуть нахмурилась.

«Вы здесь жить снимаете. Не обслуживать».

Саша убрал руку от крана.

Вечером он купил полотенце, кастрюлю и две тарелки. У кассы вернулся за третьей, потом постоял с ней в руках и положил обратно. Почему-то казалось неприличным заранее представлять гостей.

Первый ужин подгорел. Он ел гречку прямо из кастрюли, стоя у окна, и с раздражением думал, что самостоятельность отвратительно переоценивают. Под ногой хрустнуло что-то

мелкое. Оказалось, он рассыпал крупу, не заметив.

В половине десятого позвонила старшая дочь.

«Ты поел?»

«Поел».

«Нормально или твоё “поел”?»

Он посмотрел в кастрюлю.

«Моё».

Она не засмеялась. Сказала, что приедет в субботу, но не хочет быть курьером между ним и мамой. Саша ответил, что не попросит.

«Ты уже просил», сказала дочь. «В воскресенье спросил, как она. Я рассказала. Потом весь вечер думала, имела ли право».

Он сел на край кровати.

«Больше не буду».

«Не говори так, будто тебе выдали замечание. Я просто не хочу вас обоих обслуживать».

После разговора он долго держал телефон в руке. Потом занёс в список покупок губку и совок. Никто не должен был прийти и привести его новое начало в порядок.

В субботу дочь принесла пирог. Осмотрела квартиру, села на единственный стул и попросила не спрашивать, всё ли у неё хорошо.

«Хорошо», сказал он.

«И не говори всё время “хорошо”».

Он помолчал.

«Я не знаю, как с тобой сейчас разговаривать».

Она посмотрела на него внимательнее.

«Вот так уже можно».

Они ели пирог из двух новых тарелок. Саша сидел на кровати, дочь напротив. Между ними помещалась половина всей квартиры и такая осторожность, будто оба несли горячую воду.

Когда она ушла, на стекле остался круг от её чашки. Он собирался сразу вытереть, но передумал. След прожил до следующего утра, не разрушив ничего.

Психоаналитический ракурс. Совок вместо разрешения

Подгоревшая гречка не доказывает беспомощность взрослого инженера. Она показывает разрыв между профессиональной компетентностью и участием в полном цикле собственной повседневности. Саша умеет решать трудные задачи, но прежде значительная часть условий его жизни могла казаться само собой разумеющейся. Теперь необходимость поесть существует и тогда, когда никто не напомнил и не подготовил.

Решающий предмет сцены не кастрюля, а список, в который он сам вносит совок. Он замечает последствие, признаёт его своим и намечает действие. Вещь не требует от него стать идеальным. Неумелость не превращается в

нравственный дефект. Здесь можно учиться без унижения, если не перенести в пустую квартиру прежний отцовский трибунал.

Дочь отказывается занять освободившееся место организатора. Её «я не хочу вас обоих обслуживать» прерывает возможность обменять одну незаметную опору на другую. Она остаётся дочерью, приходит с пирогом, но не становится диспетчером его развода и нового дома. Саша получает не меньше любви, а менее обслуживающую форму связи.

Для читателя практическая опора здесь проста: выбрать небольшую область, за которую можно отвечать целиком, включая замечание потребности, планирование и завершение. Не надо доказывать самостоятельность отказом от любой помощи. Нужно перестать считать помощь природным свойством другого человека. След от чашки, проживший до утра, добавляет ещё один урок: забота о доме совместима с несовершенством.

Человек, который не давал заданий

Первому терапевту Саша принёс четыре страницы.

Там были перечислены жалобы, предположительные причины, ожидаемые результаты и примерные сроки. Он положил листы между собой и женщиной в тёмно-синем кресле и почувствовал облегчение: наконец происходящее приобрело форму задачи.

Она прочла первые строки.

«Вы хотите закончить всё за три месяца?»

«Предварительная оценка».

«А если не получится?»

«Буду пересматривать подход».

Женщина кивнула, отложила листы.

«Что вы сейчас чувствуете?»

Саша ответил, что испытывает необходимость структурировать перемены.

Она не записала. Подождала.

Он посмотрел на часы. Женщина заметила, но ничего не сказала, и это раздражало гораздо сильнее, чем замечание.

«Вам не нравится мой ответ?»

«Мне интересно, есть ли у вас другой».

После встречи он прошёл две остановки пешком, состав-

для мысленно профессиональное заключение о бесполезности проведённого часа. На третьей понял, что злится. Не считает метод неэффективным. Злится, потому что выполнил работу, а его не похвалили.

На следующей неделе он вернулся.

Несколько месяцев ничего похожего на освобождение не происходило. Он рассказывал о работе, о договорённостях с женой, о том, как покупал холодильник много лет назад. Однажды сорок минут объяснял, почему младшая дочь неправильно распоряжается деньгами.

«Она просила совета?» спросила терапевт.

Он перестал двигать пальцем по подлокотнику.

«Нет».

«А чего вы хотели от неё?»

«Чтобы она...»

Он не договорил. В кабинете стоял стакан с карандашами. Один был короткий, обгрызенный. Саша смотрел на него и думал, что не смог бы держать такой предмет на столе.

«Чтобы она поступила правильно».

«По-вашему?»

«По-моему».

Слово не убило его. Просто осталось между ними, маленькое и неудобное.

В другой раз он опоздал на семь минут. Долго извинялся, подробно объяснял пробку, хотя пришёл пешком: задержался, потому что никак не мог выйти из квартиры.

«Я соврал», сказал он уже у двери, когда встреча закончилась.

Терапевт подняла голову.

«Про пробку. Я пешком».

Она кивнула.

Он стоял, ожидая чего-то ещё. Выговора, прощения, хотя бы удивления.

«До следующей недели, Александр».

На улице он сел на холодную скамейку и засмеялся. Тихо, почти со злостью. Оказалось, можно сказать нелепую правду, и никто не обрушится на тебя с объяснением, какой ты человек.

Позже он научится приносить в кабинет вещи гораздо тяжелее семи минут. Но первой оказалась именно эта маленькая ложь, вытащенная за хвост и положенная на свет.

Психоаналитический ракурс. Когда терапевт не становится новым начальником

Четыре страницы Саши не смешны сами по себе. Планирование служило ему надёжным инструментом и остаётся ценным. Защитой оно становится там, где документ должен избавить его от встречи с собственными чувствами, а ясные критерии должны гарантировать одобрение. Он приносит не только описание трудностей, но и знакомый способ быть хорошим перед авторитетом.

Психоаналитически это можно прочитать как перенос: прежнее ожидание оценки организует новые отношения. Женщина ещё ничего не осудила, а Саша уже проверяет, понравился ли ответ. Ему нужно пережить, что разговор не является экзаменом. Однако молчание терапевта само по себе не свидетельствует о качестве помощи; в реальной работе цели, метод, условия и непонимание можно обсуждать прямо.

Признанная ложь про пробку важнее безупречного отчёта. Впервые правда не уничтожает отношения и не требует немедленного оправдания. Он не получает освобождающий приговор «теперь ты хороший». Получает возможность прийти снова и продолжить работу человеком, который соврал, заметил и сказал об этом.

Фрейд различал обнаружение сопротивления и его длительную проработку: назвать внутреннее препятствие ещё не значит перестать воспроизводить его. В романе эта теоретическая рамка помогает понять повторения Саши, но не доказывает, что всем нужен именно такой метод или темп терапии.

См. З. Фрейд, «Воспоминание, повторение и проработка»

Поле

В футбол его позвал техник из соседней лаборатории научно-исследовательской компании.

«Нам шестой нужен. Бегать можете?»

Саша хотел сказать, что давно не играл, что нагрузку надо рассчитывать, что в его возрасте. Техник, не дожидаясь ответа, добавил:

«Можете просто стоять. У нас и такие приносят пользу».

Он пришёл в воскресенье. В новой спортивной форме, которую сразу невзлюбил за её избыточную новизну.

Через восемь минут запыхался. Через двенадцать пропустил мяч между ног. Через двадцать два упал на ладони и испачкал колено так, что яркая полоска на брюках исчезла под землёй.

«Александр Николаевич, вы на мяч смотрите или проектируете?» - крикнул кто-то.

Он поднялся, отряхнул руки.

«Уточняю граничные условия».

Все засмеялись. Не над ним так, как он привык ждать. Просто засмеялись, и игра продолжилась.

После матча сидели на скамейке. Пар от дыхания смешивался с запахом влажной синтетики, снега и резины. Молодой парень протянул ему бутылку воды.

«Нормально вы сегодня».

«Я трижды потерял мяч».

«Мы считали. Четырежды».

Саша посмотрел на него, потом тоже засмеялся. От смеха заболел бок.

На следующий день ноги не слушались. В лабораторном корпусе он спускался по лестнице боком и впервые не пытался сделать вид, что ему удобно.

Вечером вышел гулять. Не за молоком и не в аптеку. В кармане не было списка. Он дошёл до реки, посмотрел на освещённую полосу воды под мостом и понял, что не знает, куда идти дальше.

Можно было налево.

Он пошёл налево. Примерно через четыреста метров захотел направо и повернул. Никакой важной мысли от этого не возникло; зато нашлась пекарня, которая работала до одиннадцати.

Он купил булку с корицей, хотя никогда не считал, что любит корицу. Съел на улице, обжигая пальцы и пачкая сахаром рукав.

Дома написал на обороте рабочего листа:

«Сегодня ходил без причины. Купил булку. Ничего не случилось».

Ниже, уже перед сном:

«Мне понравилось».

Психоаналитический ракурс. Право быть не лучшим

Футбол возвращает Саше не молодость, а опыт участия без обязательного превосходства. Научная репутация не помогает остановить мяч. Ошибка видна, но не становится изгнанием. Смех других впервые можно пережить как совместность, а не разоблачение собственной ничтожности. Именно поэтому сцена важнее спортивного результата.

В таком прочтении игра даёт место агрессии, которая не равна жестокости: можно занять пространство, столкнуться по правилам, захотеть победить и всё-таки не уничтожить соперника. Саше не нужно выбирать между безупречной сдержанностью и опасным зверем. Его сила получает форму, допускающую остановку, неудачу и продолжение.

Прогулка без поручения расширяет перемену. Желание ещё невелико, почти смешно: повернуть, попробовать коррицу, задержаться у воды. Но оно уже не обязано оправдывать существование пользой. «Мне понравилось» становится самостоятельным основанием, а не заявкой на разрешение.

В зрелом возрасте опора на тело требует уважения к его реальному состоянию. Нагрузка подбирается по возможностям и при необходимости обсуждается с врачом; боль не

экзамен на волю. Для другого человека аналогом поля могут стать посильная прогулка, музыка или занятие в группе. Значима не победа над возрастом, а возвращение доступного участия.

Подписи

Развод занял больше времени, чем его ночная решимость могла представить.

Нужно было обсуждать квартиру, накопления, вещи, давно потерявшие цену и неожиданно приобретшие значение. Старую лампу жена забрала сразу. За книжный шкаф они спорили два вечера, пока не обнаружили, что спорят не о шкафе.

«Ты всё время говоришь так, будто мы закрываем проект» - сказала она.

Он посмотрел на таблицу, которую принёс.

«Мне так легче».

«Тебе».

Он закрыл ноутбук.

За окном её кухни темнело. На столе стояла другая ска-терть. Он поймал себя на совершенно детском возмущении: как она успела заменить вещь, к которой он привык?

Жена заметила взгляд.

«Я тоже здесь живу».

Он кивнул. Потом сказал, что понимает, и тут же попра-вился:

«Начинаю понимать».

Ей не стало от этого хорошо. Она не обязана была смяг-чаться каждый раз, когда он обнаруживал в себе что-нибудь

новое.

Младшая дочь несколько месяцев встречалась с ним только вне дома. Они сидели в кафе возле её работы, и Саша слушал рассказ о начальнице, не переводя его в разговор о семье. Однажды дочь спросила:

«Ты теперь счастлив?»

Он хотел ответить нет, чтобы её не ранить, потом да, чтобы доказать осмысленность перемен. Оба ответа оказались неподходящими.

«Иногда. Иногда очень тяжело».

«И ради этого?»

«Я не мог гарантировать счастье. Мог только перестать обещать то, чего больше не делал».

Она долго крутила ложку.

«Мне всё равно жалко маму».

«Мне тоже».

«Только не надо жалеть её сверху».

Он проглотил готовое возражение.

«Постараюсь».

В день, когда они с женой поставили последние подписи, шёл мелкий дождь. Ни грома, ни ясного неба после бури. В коридоре пахло мокрыми пальто и чьим-то слишком сладким кремом для рук.

У выхода они остановились.

«Я не знаю, кем ты теперь мне будешь», сказала она.

«Я тоже».

«Не исчезай хотя бы из того, о чём договорились».

«Не исчезну».

На этот раз он понимал, что верность слову начинается после красивой фразы, а не заканчивается ею.

Дома он сварил суп. Поел за столом, убрал тарелку, открыл окно. С улицы донёсся смех: кто-то пытался сложить зонт, не попав пальцами в мокрые спицы.

Телефон лежал рядом. В нём много лет сохранялся номер Ветраны.

Саша не позвонил.

Ему ещё предстояло прожить вечер, в котором никто не должен был вознаградить его за честность. Он надел куртку и вышел к реке, один.

Психоаналитический ракурс. Вина, которая превращается в ответственность

Шкаф и скатерть удерживают то, что трудно разделить документом: привычку принадлежать одному порядку. Саша уже решил уйти, но всё ещё переживает самостоятельное действие жены как нарушение знакомого мира. В нём остаётся желание иметь свободу самому и неизменность на прежнем месте. Её «я тоже здесь живу» делает эту асимметрию видимой.

Развод в этой истории не отменяет ценности прожитого и не устанавливает виновного за все годы. Жена не обя-

зана подтверждать его развитие благодарностью. Дочери не обязаны быстро принять новую жизнь. Он учится выдерживать их чувства, не покупая прощение обещаниями и не превращая их несогласие в право распоряжаться его будущим.

Различие между ответственностью и бесконечным самообвинением проявляется в глаголах. Ответственность позволяет выплатить, приехать, предупредить, выслушать, признать. Самообвинение может часами повторять «я ужасный», оставляя конкретное дело несделанным и приглашая пострадавшего утешить виновного.

Суп после подписей завершает сцену точнее, чем звонок Ветране. Никто не обязан немедленно компенсировать ему цену честности. Он остаётся с последствиями собственного решения и поддерживает свою жизнь, ещё не зная, будет ли в ней новая любовь.

Номер

К тому времени, когда он набрал её номер, липа перед окном успела распуститься, пожелтеть и снова стать прозрачной.

Саша прожил один больше года. Узнал, сколько еды ему нужно на неделю и насколько меньше её нужно покупать, когда приходит тоска. Научился не брать дополнительную работу на каждый свободный вечер. Нашёл врача, к которому не пытался прийти уже с готовым заключением. Дважды отменил футбол из-за боли в колене и не объявил это личным поражением.

Его жизнь не стала праздником. Зато в ней появились подробности, которые никто не назначал.

Он писал Ветране письма и не отправлял. Первое заняло шесть страниц, на которых объяснялось, почему он не мог поступить иначе. Третье начиналось словами «Ты должна понять», и он удалил его, едва прочёл начало. В одиннадцатом удалось впервые обойтись без рассуждений о себе.

«Я унизил тебя. Я называл несуществующим то, в чём участвовал сам. Я не имел права».

После этих трёх предложений он долго не мог добавить ничего.

Он не знал, действителен ли номер. Не знал, замужем ли она, хочет ли слышать его голос, вообще жива ли та часть её

жизни, в которую он когда-то имел доступ. В последние годы он старательно не искал её в сети. Теперь желание проверить всё до звонка показалось знакомой попыткой получить ответ раньше вопроса.

Он отправил короткое сообщение.

«Ветрана, здравствуй. Саша. Я хотел бы извиниться перед тобой голосом. Можно позвонить? Если нет, я приму это и не буду повторять просьбу».

Ответ пришёл через два дня.

«В четверг. У меня будет пятнадцать минут».

В четверг он трижды проверил разницу во времени. Потом поставил телефон на стол и ушёл мыть чашку, чтобы не держать его как медицинский прибор, от показаний которого зависит жизнь.

Она ответила после четвёртого гудка.

«Слушаю».

Он узнал не голос, а то, что произошло с собственным дыханием.

«Здравствуй, Ветрана».

«Здравствуй».

Где-то рядом с ней звякнула посуда. Саша вдруг представил целый стол, которого не видел: её руки, стакан, окно в другой стране. Захотелось спросить, холодно ли там. Он не спросил.

«Я прошу прощения за последнее письмо. За оскорбления. За то, что называл нашу близость твоей фантазией. Я

знал, что это неправда».

Она молчала.

«Я не хочу объяснять это так, чтобы получалось оправдание. Ты ничего не сделала, что давало бы мне право говорить с тобой подобным образом».

В трубке послышалось короткое движение воздуха.

«Почему сейчас?»

«Потому что раньше я не мог сказать это, не добавив сразу, как тяжело было мне».

«Тебе и сейчас хочется?»

Он опустил глаза.

«Да».

Она выдохнула. Не смех, но что-то возле него.

«Спасибо, что хотя бы не добавил».

Они помолчали. Время, которое она выделила, продолжало идти; Саша впервые не пытался заполнить его всем, что носил годами.

«Я хотел предложить тебе кофе» - сказал он.

«Я живу не в твоём городе».

«Знаю. То есть ты говорила тогда. Не знаю, где ты сейчас».

«В другой стране».

«Если ты когда-нибудь захочешь приехать, я могу оплатить перелёт и отдельное жильё. Или приехать сам, если это будет удобнее. Не сейчас, не обязательно. Просто хочу предложить».

«Твоя жена оценит твою гостеприимность».

В её голосе впервые появилось острое. Он принял его без возмущения.

«Я развёлся. Живу один. Больше года».

Тишина стала совсем другой.

«Когда?»

Он назвал месяц.

«И ты только теперь звонишь?»

«Я не хотел уйти из одного дома и немедленно потребовать от тебя другой».

Она поставила чашку. Теперь он слышал это отчётливо.

«А сейчас что хочешь?»

Саша закрыл глаза, потом открыл. Липа стояла неподвижно за стеклом.

«Тебя. Но не как награду за то, что я наконец веду себя приличнее».

«Саша».

«Я любил тебя все эти годы. Лгал тебе, лгал себе. У меня нет способа стереть прошлое. Я могу только не лгать сейчас».

Пятнадцать минут почти закончились.

«Я хочу, чтобы ты приехала. Не для того, чтобы мы повторили прошлое. Я хочу узнать, способны ли мы любить друг друга не только в разлуке, письмах и воображении, но и в повседневной жизни».

Она долго ничего не говорила. Он слушал далёкий шум улицы, хотя не знал, улица ли это.

«Я не могу ответить».

«Не нужно сейчас».

«И потом могу не захотеть».

«Да».

«Ты понимаешь, что я тебе не верю?»

«Понимаю».

«Не всё понимаешь».

«Наверное».

Она первая попрощалась. Он положил телефон и остался сидеть за столом, не получив ни согласия, ни прощения, ни права на следующую встречу.

За окном наконец пошёл снег. Саша смотрел на него и чувствовал такую боль, в которой, к собственному удивлению, можно было дышать.

Не награда

Ветрана вымыла чашку дважды.

Потом протёрла стол, открыла рабочий файл, прочла одну строчку шесть раз и закрыла. Пошла в ванную, посмотрела на себя в зеркало. Бритая голова блестела в холодном свете, под глазом остался след от подушки, хотя день давно пере-
валил за середину.

«Ну здравствуй» - сказала она отражению.

Отражение не выглядело победившим.

Молодость давно перестала быть для неё объяснением будущего. У неё была работа, которую она любила, стол у окна, привычные улицы, друзья, мужчина, с которым несколько лет назад получилось честно расстаться, не делая его виноватым в чужом отсутствии. Она не провела эти годы на чемодане. Тем сильнее пугало то, как быстро голос Саши переставил воздух в комнате.

Вечером она позвонила подруге.

«Он позвонил».

Подруга не спросила кто.

«И что?»

«Развёлся».

«А ты?»

Ветрана села на пол.

«Я не знаю».

«Тогда сегодня не покупай билет».

«Я не идиотка».

«Знаю. Поэтому говорю только про сегодня».

Позже Ветрана открыла страницу авиакомпании. Посмотрела расписание. Закрыла. От того, что закрыла, стало немного легче: она могла желать и не действовать немедленно.

Через неделю она написала:

«Я согласна иногда разговаривать. Не каждый день. Если мне станет слишком тяжело, я скажу. Пожалуйста, не присылай объяснений моей осторожности. Мне не нужно, чтобы ты теперь понимал меня вместо меня».

Он ответил:

«Хорошо. Скажи, когда будет удобно».

И не добавил ни одного стихотворения.

Они разговаривали по воскресеньям. Первые звонки приходили на прогулки по льду, который ещё не проверяли. Он рассказывал о студии, о футболе, о дочерях, не разглашая того, что дочери доверили только ему. Она говорила о работе и однажды двадцать минут ругалась на сломавшуюся кофеварку.

«Ты можешь её открыть?» - спросил он.

«Могу. Но я хочу, чтобы ты посочувствовал, прежде чем выдавать отвёртку».

Он помолчал.

«Сволочная кофеварка».

Ветрана впервые засмеялась так, что ему пришлось убрать телефон от уха.

Потом случился воскресный вечер, когда он не смог позвонить вовремя. Младшая дочь попросила приехать: у неё прорвало трубу. Он написал заранее, предложил другое время.

Ветрана всё равно почувствовала, как знакомо холодеет живот. Семья, непредвиденное, потом. Всё было разумно и всё звучало знакомо.

Она ответила слишком резко.

Он позвонил на следующий день в согласованное время. Не наказал за резкость молчанием, не доказал, что она несправедлива. Рассказал, что трубу заменили, и спросил, хочет ли она поговорить о вчерашнем.

«Я испугалась».

«Я понял».

«Не говори так быстро. Ты мог просто решить, что я стерва».

«Я немного решил».

Она замолчала, потом фыркнула.

«Спасибо за честность, блядь».

«Но это не отменяет того, что тебе было страшно».

В тот вечер они проговорили сорок минут. Потом оба вернулись к своим делам. Именно это Ветрана заметила через час: разговор не отнял весь остаток дня. Не понадобилось восстанавливать себя из кусков.

В декабре она спросила про жильё.

«На неделю» - сказала она. «И отдельно. Билет обратно я покупаю сама».

Он ответил не сразу.

«Я очень рад».

«Я слышу».

«Стараюсь не звучать как идиот».

«Поздно».

Она улыбалась, когда произносила это. Но билет купила только на следующее утро.

Психоаналитический ракурс. Извинение без счёта к оплате

Саша может отвечать за принесённый вред, но не распоряжаться сроком чужого доверия. Для Ветраны его признание не стирает предыдущего опыта: человек, когда-то назвавший близость выдумкой, снова говорит о любви. Её осторожность не недостаток великодушия. В пределах сюжета она проверяет, не предлагают ли ей прежний круг под новым названием.

Зрелость просьбы обнаруживается не в её красоте, а в возможности услышать отказ. Оплаченный перелёт не покупает встречу, встреча не обещает совместной жизни, признание не обязывает к прощению. Если Саша способен уважать эти различия, он уже обращается к отдельной

женщине, а не к функции, которая должна завершить его освобождение.

У Ветраны своя работа: не превратить его перемены в долгожданное доказательство собственной ценности. Она была достойна уважения и тогда, когда он отказал. Теперь ей предстоит решить не «наконец ли меня признали», а «хочу ли я быть рядом с этим человеком и достаточно ли безопасно мне пробовать».

В подобных процессах опорой служат наблюдаемые действия: соблюдение договорённостей, отсутствие давления, ясность семейного положения, возможность жить отдельно и отказаться без наказания. Сильное чувство может участвовать в выборе, но ему не следует одному выполнять работу памяти, суждения и границ.

Красная варежка

В аэропорт Саша приехал на сорок минут раньше, затем уехал на соседнюю парковку и вернулся. Нельзя было ускорить самолёт присутствием возле табло, однако тело вело себя так, будто можно.

Он не купил цветов. Потом испугался, что отсутствие цветов выглядит нарочито, и окончательно разозлился на этот маленький внутренний комитет.

Ветрана вышла с тёмным чемоданом. Чёрное пальто, широкая винная полоса шарфа, одна красная варежка в руке; вторую она, как выяснилось через минуту, засунула в рукав и теперь искала.

Он узнал её сразу. Не женщину из последней встречи, не сохранённую фотографию. Её, чуть уставшую после перелёта, сердитую на рукав.

«Здравствуй, Саша».

Он несколько секунд смотрел на неё без слов.

«Здравствуй».

Она положила ладонь ему на плечо. Он не обнял, пока не увидел короткий кивок, а потом притянул к себе осторожно, словно боялся не сломать её, а перепутать разрешение с собственной жадой.

Её лоб оказался возле его виска. Пахло холодным воздухом, шерстью и духами, которых он не знал. У них обоих

больше не было волос, за которыми можно было спрятаться, и это почему-то делало встречу незащищённо смешной.

«Два чрезвычайно серьёзных яйца» - сказала она ему в воротник.

Он засмеялся. Грудь под её рукой дрогнула.

В машине она устроилась с подчёркнутым удобством, сняла шарф, спросила, можно ли убавить отопление. Он убавил. Несколько минут ехали молча.

«Я заселюсь, посплю. Потом кофе».

«Конечно».

«Ты ожидал другого?»

«Да».

«Чего?»

Он взял паузу, которой раньше прикрывал отказ.

«Что мы не будем расставаться с первой минуты».

Она посмотрела на него.

«А я хочу иметь возможность поспать».

«Понимаю».

На этот раз он действительно просто понимал.

У небольшого отеля он достал чемодан, проводил её до стойки и остановился. Ветрана заметила, как ему хочется спросить номер комнаты. Он не спросил.

«Я напишу, когда проснусь».

«Я буду недалеко».

«Не карауль, Саша».

Он кивнул и ушёл на работу. До вечера осталось столько

часов, что казалось невозможным вместить их в обычный день.

Когда пришло её сообщение, он проверял расчёт коллеги. Прочёл «Я голодная. Где здесь кормят живых?» и сделал в формуле две ошибки подряд.

Чашка с трещиной

В студию она пришла на третий день.

До этого были кафе, прогулка по набережной, снег за воротником, её резкое «не надо», когда он попытался слишком быстро вернуться к прежнему домашнему прозвищу. Он извинился. Они продолжили идти.

У подъезда Ветрана задержалась.

«Ты понимаешь, что я могу через час уйти?»

«Да».

«И это не будет провалом встречи».

«Будет обидно. Но не провалом».

Она кивнула, как будто проверяла не его зрелость, а крепление на мосту, по которому самой предстояло пройти.

Квартира оказалась меньше, чем она представляла. На столе лежали листы с расчётами, возле двери стояла сумка для футбола, на подоконнике рос базилик с двумя явно несчастными веточками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.